Борис Дедолко

Истории без ретуши

Военное училище

Армия

90-е

и далее...

Юмористические рассказы из жизни

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Борис Дедолко

Истории без ретуши

«Автор»
2026

Дедолко Б.

Истории без ретуши / Б. Дедолко — «Автор», 2026

Истории без ретушиКурсантская юность, офицерские будни, лихие девяностые Время, когда жизнь не спрашивала, готов ли ты к приключениям, а просто бросала тебя в самую гущу событий.Эта книга — собрание историй, в которых есть всё: армейские будни и курсантские проделки, офицерская дружба и служебные казусы и первые шаги в бизнесе на фоне бурных перемен 90-х.Здесь строгие уставы соседствуют с совершенно неуставными ситуациями, погоны не мешают попадать в самые нелепые истории, а жизненный опыт порой оказывается куда интереснее любой инструкции.Герои этих рассказов не идеальны, обстоятельства не всегда приличны, а события далеко не всегда укладываются в рамки здравого смысла. Зато всё это — жизнь. Без прикрас, без лакировки и без ретуши.

© Дедолко Б., 2026
© Автор, 2026

Борис Дедолко
Истории без ретуши

ПЕРВЫЙ КАРАУЛ

Очень хорошо помню свой первый караул в военном училище, который был сразу после «Курса молодого бойца». Готовили нас к нему (читай: нещадно дрючили и гоняли) целую неделю, причём все, кому «не лень или не попадя». Начиная от начальника факультета и заканчивая командиром отделения (курсантом, поступившим учиться из солдат).

Наш начальник курса, майор Журбенко, на самом последнем инструктаже «настращал» нас вообще дальше некуда:

«Сынки! Не подведите! Ежели что, патронов не жалеть! Родина смотрит на вас, ведь вы защищаете своих родных и близких!»

Короче, уходили мы в тот наш первый караул, как на войну…

Неприятности начались сразу же.

Караул мы принимали у курсантов третьего курса (а это был выпускной курс среднего училища –«круче были только яйца»!), причём принимали как положено (первый раз же!).

Они уже через полчаса нашего приёма-сдачи доходчиво нам рассказали, что они завтра, после караула, с нами сделают, причём многократно и в самой извращённой форме.

Ну и дальше. Мне достался пост ГСМ, самый некомфортный и неуютный. Его мы между собой называли «на семи ветрах».

На этом моём посту,

в неопечатанном хранилище, был обнаружен «в хлам» пьяный прапорщик, который при его эвакуации пообещал нам сделать то же самое, что обещали выпускники, тоже многократно и в той же форме, но ещё и со всеми нашими родными и близкими.

В общем, обстановка сложилась крайне нервная и напряжённая! Я, как в той старой армейской шутке, уже был готов доложить караульной собаке о том, что слышу лай начальника караула.

А начальником караула заступил старший лейтенант Федорий Ярослав Дмитриевич, тогда наш курсовой офицер (потом он стал начальником курса).

И он не заставил себя ждать – в первые же два часа пришёл меня проверить.

Стрельбу по нему я (от страха и усердия) не открыл только потому, что он от самой границы поста применил тонкий психологический ход и стал меня «ласково» подбадривать матом. Тут я и понял, что идёт свой!

Осмотревшись на территории, он сразу же выдал мне вводную:

– Пожар на посту!

Я, в полном соответствии с инструкцией,

«с испугу», якобы, потушил этот пожар.

И мы с ним оба удивились…

Тогда он выдал ещё одну вводную:

– Нападение на пост!

И я опять, как положено, «скатился кубарем» с караульной вышки и занял оборону в окопе рядом с ней.

Сижу там и «отстреливаюсь от нападающих».

А в окоп этот караульные «по-большому» ходили,

да так, что добра этого там накопилось по самую щиколотку. Но я «отстреливаюсь» и стойко переношу эти тяготы и «запахи» воинской службы. Настоящая боевая обстановка была, так сказать, со всеми её особенностями!

Федорий опять удивился такой моей чёткости исполнения, знанию инструкции и абсолютному прилежанию.

Потом я ещё что-то там делал, решал конкретные задачи по охране поста и отвечал наизусть свои обязанности.

В общем, приятно я удивил тогда Ярослава Дмитриевича.

Он в итоге выдал такую эпохальную фразу, которую я до сих пор использую, если хочу кого-то похвалить, но похвалить сдержанно.

Федорий тогда мне сказал:

– Молодец, Дедолко! Не ожидал от тебя! Молодец! Хорошо, очень даже хорошо! Но пока оценка «два»…

СВЯТАЯ К МУЗЫКЕ ЛЮБОВЬ

Небольшой рассказ про музыкантов нашей «легендарной» одиннадцатой роты ДВВАИУ 1980 года выпуска…

Самый первый состав нашего ротного музыкального ансамбля почти полностью состоял из сто пятьдесят второго учебного отделения первого взвода, кроме двух «примкнувших и затесавшихся» туда Валеры Соколовского и Игоря Вакалюка из второго взвода. Как-то монополизировало второе отделение эту «нишу» и полностью «подмяло» всех остальных под себя. Помню, я тоже хотел «пролезть» к ним в клавишники на ионику «PERLE». Но Володя М., поступивший с нами учиться из солдат, попытался ввести у нас элементы армейской дедовщины и «на корню» пресёк эту мою робкую попытку. А сам Владимир (за его прежнюю службу в стройбате мы «прицепили» ему дружеский псевдоним Алебастр), в свою очередь, очень и очень настойчиво претендовал на роль лидера (руководителя) и «фронтмена» нашего вокально-инструментального ансамбля. Даже «легендарный» Шура Б. (Лоботряс) поначалу «перебивался» у него только на «вторых ролях и посылках». Хотя тот ещё был «сладкоголосый менестрель» и всеобщий женский любимец со своим «слезоточивым» и единственным хитом «Лошади умеют плавать».

Вы спросите меня, почему Шура – «Лоботряс»? Потому что у него из-за гиперкинеза (нервного тика) была непроизвольная привычка всё время утвердительно трясти головой при разговоре. А мы, курсанты, ведь были очень наблюдательные и добрые «по жизни» ребята, поэтому клички всегда цепляли только по делу и навсегда!

В ноябре приснопамятного сегодня семьдесят пятого года (мы только-только поступили в училище) в офицерском клубе ДВВАИУ состоялся конкурс патриотической песни ротных ВИА. «Действо» было полузакрытого типа. То есть ансамбль должен был исполнить для жюри одну песню и, сделав своё дело, как шекспировский мавр, молча уйти. При этом в клубе абсолютно не было никаких зрителей, тем более фанатов-болельщиков.

Наши музыканты неделю порепетировали, поиграли тихонько в каптёрке (мы даже и не знали ничего про тот конкурс) и, как говорится, «голой ж…пой пошли в атаку на штыки»! Исполнять они должны были песню «У деревни Крюково» (помните? «Шёл в атаку яростный, сорок первый год») ансамбля «Пламя». Но то ли песня у них эта не пошла – не зазвучала, то ли ещё чего, деталей не знаю, да и не помню уже. Не стали они её петь! Дальше – больше! Уж и не знаю, из каких соображений, но Алебастр решил исполнить свой личный, коронный хит, который он «под луной» давно играл девушкам и отшлифовал до совершенства.

Эту песню он жалобно исполнял для самых-самых плаксивых и добрых во всех отношениях барышень. Женские сердца, услышав её, теплели, и девушки на время теряли контроль над отдельными частями своего тела. В первую очередь – над головой. А Макар бессовестно-меркантильно использовал это их беспомощное положение и ставил очередной «крестик» в блокнот своих амурных побед.

Вот только с патриотической песней этот его шлягер никаким боком рядом не стоял и не корреспондировался.

Но Макар этот тонкий момент решил обойти своим предварительным, авторским конферансом. Никому ничего не сказав об изменении репертуара, ребята вышли на сцену…

Дальше напишу со слов очевидца, «умиравшего со смеху» во время этого своего рассказа.

Все четверо наших музыкантов появились на сцене со строгими и непроницаемыми лицами. Никаких эмоций! Алебастр взял микрофон и пафосно объявил непонятную «абракадабру»:

«Эту грустную песню вокально-инструментальный ансамбль одиннадцатой роты посвящает всем жертвам политических репрессий капитализма, которые влачат своё жалкое, голодное и нищенское существование абсолютно без всякой перспективы и веры в завтрашний день! Поддержим и поможем нашим братьям и сёстрам в их борьбе!»

Закончил он этот свой пламенный и проникновенный спич воззванием типа: «Миру – Мир!» или «Рот – Фронт!», а может, даже и вообще беспроигрышным тогда лозунгом, – «Слава КПСС»! Как он ещё только не вставил туда «перл» советской пропаганды тех лет про солнце над Парижем, которое светит, но не греет парижан? Не знаю! По идее, вообще-то, должен был вставить!

Жюри очень настороженно приготовилось слушать песню, чуть ли даже не стоя. И тут началась какая-то лабуда про влюблённого французского художника.

Он «просадил» всё, что у него было, ради своей любимой, но «предмет его любви» этого не оценила и бросила его. И теперь этот бедолага побирается на Елисейских полях, где, голодный и холодный, просит милостыню и поёт песни для сытых и вконец зажравшихся буржуев. Этакий сладкий сироп и патока про «миллион алых роз», но гораздо «жёстче» по своим последствиям. Ну и действие медовенького «шедевра» происходило во Франции. Куплетов было штук пять, и все они заканчивались одним припевом: «Бросьте монетку, месье и мадам! Я подниму, мерси!»

У кого-то из членов жюри, видимо, был инсулинозависимый диабет, поэтому такого количества сладкого за один раз они не смогли перенести. Допеть песню до конца музыкантам не дали. Их с позором выгнали со сцены.

Вечером на построении роты наш начальник курса майор Журбенко,

с лицом цвета очень спелых помидоров, ругался таким трёхэтажным матом, что даже марсельские докеры и парижские клошары из-под моста Мирабо немедленно бы записали эти его цветистые обороты в свои хроники и регистры! Он орал и ревел с яростным драматизмом оперного мэтра Бориса Штоколова, меча громы и молнии в адрес Алебастра:

«Я тебе дам, месье и мадам! Я тебе, сукин кот, покажу: «Бросьте монетку, мерси»! Тоже мне, бонжур нашёлся! Ёбта!»

Больше Макар в ансамбле никогда не появлялся. Ведь от Великого до Смешного, оказывается, совсем рядом – буквально один шаг. И Макар, судя по всему, умудрился сделать его прямо там, на сцене…

ХРОНИКИ ДВВАИУ

Буквально на первом курсе учёбы в военном училище мне попалось такое «фольклорное» армейское выражение:

«Курсант – как жёлудь: вокруг дубы шумят, а внизу свиньи ждут, чтобы его сожрать!»

Наверное, для того чтобы приспособиться к такой «желудёвой» специфике, мы были вынуждены очень быстро, оригинально и нестандартно соображать.

Я, помню, если «нарывался» на какую-нибудь проблему, то сразу же старался абсолютно нелогично ошеломить, изумить и даже «ошарашить» офицера, чтобы его сразу «перемкнуло» и он больше вообще не мог думать из-за взорванного мозга.

Например, возвращаюсь я как-то из «самохода» через Западное КПП нашего училища. Навстречу мне – замначальника факультета, полковник С. Он останавливает меня и строго спрашивает:

– Откуда это Вы идёте, товарищ курсант?

– Товарищ полковник, мы вчера на автодроме убирали мусор, и я потерял свои часы! Отпросился у командира и ходил их искать.

– Нашли?

– Так точно, нашёл!

И показываю ему часы на руке, которые вовсе и не терял. Да и мусор мы вчера тоже там не убирали.

Он меня отпускает

«с миром» и ничего не перепроверяет. Да и что тут, и как проверишь? Часы есть, я доволен, да и мусор вроде как убран…

Или ещё пример.

Иду на автобус, который останавливался на углу нашего учебного аэродрома. Перед самой остановкой рядом вдруг тормозит синий «Жигулёнок» нашего начфака, полковника К.

Он, зная меня как «облупленного», строго спрашивает:

– Борис, ты куда это собрался?!

– Товарищ полковник, слушатель, старший лейтенант П. (называю реальную фамилию офицера-слушателя), взял у меня материал курсового проекта.

У нас с ним темы похожи, а у меня послезавтра защита. Он в этих финских домиках живёт возле остановки, иду забрать свои записи и сразу же обратно!

Видно, и Сашина (Царство Небесное!) необычно звучная фамилия, и такое моё рвение к учёбе усыпили бдительность Владимира Семёновича.

Он великодушно разрешил мне это сделать, сказав при этом:

– Ладно, давай иди, только потом сразу же бегом в училище! Я проверю!

«Жигуль» отъезжает, а я «ныряю» в подошедший к остановке автобус и еду в город «зажигать» и «куролесить».

Верили, любили и по-человечески (отечески?) сочувствовали нам отцы-командиры.

А мы, курсанты, ведь очень и очень лукавые были! Помните? Куда ни целуй, у курсанта везде задница!

Простите нас великодушно, уважаемые наставники, командиры и преподаватели!

Не от подлости и не со зла мы так поступали. А просто из-за полного отсутствия мозгов в том возрасте и на том этапе. Да и гормон ведь всё время играл…

Возраст был такой! Гиперсексуальный!

Вот только теперь,

к семидесяти, это, к сожалению, начинает проходить!

А уж как мастерски мы врали! Главное, чтобы взгляд при этом был честный и лучистый.

А голос, в зависимости от того, что «плетёшь», должен быть или задорно-новогодний, или тревожно-упавший! Ну, и ещё много таких «маленьких хитростей».

Думаю, что даже Станиславский бы нервно закурил, увидев и послушав нас! Тут целая наука, однако! При этом без всяких театральных училищ и даже курсов повышения квалификации.

Но уверен, что и наши командиры, и преподаватели видели нас тогда «насквозь», а шум не поднимали только потому, что сами в своё время были такими же.

А кто пытался это категорически опровергнуть, выглядел, мягко говоря, «белой вороной», ну а грубо говоря…

Ладно, не буду!

Ну и расскажу ещё немного про категорию халявщиков. Было такое явление! Точнее, расскажу даже не про них, а про то, как я с ними боролся…

Курса до третьего, пока мы не установили замки, хранить в наших тумбочках что-либо было бесполезно.

Это касалось не только продуктов (их в первую очередь), но и зубной пасты, мыла, гуталина и даже «вульгарного» асидола для чистки пряжки ремня.

Ловкачам-шустрилам хватало буквально пары секунд, чтобы стырить «кусманчик» пасты и всего остального, необходимого им в тот момент.

Это и воровством-то не назовёшь, ведь в те времена мелкое присвоение чужого имущества прикрывалось общим советским принципом: «Всё вокруг колхозное, всё вокруг моё».

У нас это скорее называлось «спионерить», «скоммуниздить», «приделать ноги».

А ты, если у тебя «спионерили» что-то мелкое, не говорил, что это украли, а просто признавал и констатировал: да уж, прое…ал я это дело!

Ну и теперь о моей борьбе с этим братским, безвозвратным заимствованием мелочёвки…

Возвращаясь из умывальника, я частенько обнаруживал, что за время утренних гигиенических процедур у меня вдруг резко заканчивались зубная паста, одеколон, а бывало, даже и мыло!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.